

Карпов Геннадий

Осенние клещи

Геннадий Карпов

Осенние клещи

«Издательские решения»

Карпов Г.

Осенние клещИ / Г. Карпов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837784-6

Нет повести печальнее на свете, чем повесть человека, которого в расцвете лет кусает энцефалитный клещ. Автобиографическая повесть.

ISBN 978-5-44-837784-6

© Карпов Г.
© Издательские решения

Содержание

ОСЕННИЕ КЛЕЩИ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Осенние клещи

Геннадий Карпов

© Геннадий Карпов, 2018

ISBN 978-5-4483-7784-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОСЕННИЕ КЛЕЩИ

*Не увидишь, хоть полсвета обыщи,
Ты картины, где бы склежились клещи.
(Автор)*

*– Ты чем, Серёжа, думаешь-то?
– Головой!
– У тебя на этом месте, Серёжа, жопа!
(Цитата из х/ф «Жмурки»)*

Двадцать восьмого августа уже с утра стояла жара, словно в Таиланде, поэтому к вечеру Настя больше не хотела, а я уже не мог. Мы молча лежали под простыней, любуясь пейзажем за окном. Синяя с чудными рыбами простыня прикрывала нас от коленок до пупа, позволяя августовскому вечернему солнцу испарять пот с наших тел. Моя квартира расположена на пятнадцатом этаже, окна-аквариумы – до самого пола и смотрят на запад. В конце лета солнце закатывается в воду Енисея сразу за мостом и, едва коснувшись раскалённой глади, медленно скрывается за горой, утыканной новыми многоэтажками и огромной башней сотовой связи. Зрелище завораживающее, но сильно уж жарко в квартире в такие часы. Давно пора поставить кондиционер, да всё никак не соберусь.

Любуясь картинными закатами, я иногда вспоминаю отца. Это он купил мне эту студию, пожил тут со мной пару недель и снова укатил в свой ледяной Норильск командовать одним из цехов промышленного гиганта.

– Я же фотогигиеническая? – лениво промурлыкала Настя, делая на фоне заката двадцать пятую самусебяшнюю фотку за вечер.

– Очень! – подтвердил я и подумал, что такого ярко выраженного нарциссизма не встречал, пожалуй, ещё ни у кого.

С отцом мы иногда переписываемся, и я даже помню дату его рождения. А вот он мою – нет. Он поздравляет меня либо в тот же день, то есть девятнадцатого, но на месяц раньше или позже срока, либо в тот месяц, в какой надо, но путает на десять дней дату и поздравляет девятого. Я ему всегда был до фонаря. Как и матери. Мать вообще ненавидела меня с первой минуты моей жизни, едва увидев в роддоме. Нет! Она ненавидела меня ещё за восемь с половиной месяцев до того и потом все пять лет, что жила со мной и отцом, пока не уехала в Краснодар к какому-то мужчине, которого любила ещё со школы. Так сказал мне отец. Я ненавидел мать на пару лет меньше, чем она меня, но сути наших отношений это не меняет. Точнее говоря – сначала я не ненавидел её, а боялся. Боялся её постоянных окриков, её вечного мной недовольства, боялся, когда они с отцом начинали орать друг на друга в голос. Этого даже бабушка боялась: вчетвером мы жили в её двухкомнатной квартире. С годами этот страх переродился в ненависть. Ненависть к матери в частности и женщинам вообще выкристаллизовалась годам к четырнадцати или чуть позже, когда матери рядом давно не было. Просто однажды утром я поднялся с постели и понял, что мне больше не хочется плакать от отсутствия материнской любви. Я просто тупо ненавижу её. Ненавижу даже не того конкретного человека, который бил меня по спине вместо попы, а её образ, с которым я так часто общался, перед которым столько раз оправдывался и так и не смог до конца понять – в чём же был постоянно виноват? Образ, который сильно потускнел в моей памяти и который я в один момент вырвал из души вместе с изрядным куском самого себя и растоптал.

Меня вырастили отец и его мать при помощи нянечки, имя которой я запомнил. Кажется, её звали Александра Алексеевна, но я всегда называл её просто – тётя Шура. Отец

давал деньги на моё безбедное проживание, учителей для меня и лекарства для своей матери, а бабушка готовила ужин и стирала мои рубашки. Отец иногда водил меня в кино и на каток, подарил телефон и ноутбук, но по голове меня ни разу в жизни не погладил и на коленях у него я не сидел. Потом он стал ездить на вахту на север за длинным рублём, и мы не видели его по три месяца. А ещё через пару лет он купил квартиру в Норильске, потому что у него там оказалась женщина, у них родился ребёнок, а потом и второй. Бабушка умерла, так что теперь я сдаю бабушкину хату узбекам за десятку в месяц. Этих денег мне хватает на то, чтобы платить квартплату, пить на завтрак кофе со сливками, и ещё остаётся на пару походов в «Суши-Терру» или «Перцы» с какой-нибудь овцой. Сам я вырос в старшего менеджера автосалона. Я продаю не какие-то вшивые «Жигули», а «Лэндроверы», «Ягуары» и «Форды» крутым дядькам и солидным компаниям. Торгуем маслами, шинами, проводим техосмотры, ремонтируем, моем и тюнингую то, что продали прежде. Но если бы не отец – я бы никогда не купил себе эту квартиру. А Настя, та дура с облупленными пятками, что лежит сейчас рядом со мной под простыней и сейчас попросит сходить к холодильнику за пивом, думает, что это у меня столько своего бабла и с гордостью рассказывает своим подругам, что трётся с новым русским. Она думает, что если я продаю «Ягуары», то с каждой зарплаты могу покупать себе по две таких тачки! Фигу! При всех плюсах моей работы я за четыре года ни разу не получил там больше тридцати штук в месяц. Шефа тоже можно понять: деньги с неба не падают. Поэтому у меня в данный момент даже машины нет. Езжу как лох на автобусе или если по делам – на казённых «Форде» или Уазе – Патриоте. Кстати, сам шеф приезжает на работу на праворуком «Крузаке» далеко не первой свежести. Количество миллионеров в нашем городе не настолько велико как в Сингапуре, и даже эти жулики далеко не всегда выбирают те машины, что я им предлагаю, надев на лицо безупречную улыбку и сделав честные глаза. Автомобильный бизнес – дело шаткое. Но бабам это знать не обязательно. На некоторых баб, кстати, можно даже денег много не тратить! Смотри на неё сверху вниз, разговаривай как с душой и делай вид, что круче тебя только Эверест, а все бабы для тебя – мусор. И они будут липнуть к тебе как майка на жаре!

– Серж, принеси пива плиз! Сри как солнце садится! Круто!

Это наша недавняя традиция: пить пиво после тёрки. У нас с ней все традиции недавние, потому что знаем мы друг друга два с половиной месяца. Наша компания гуляла в том же ресторане, что и её. Мы отмечали продажу юбилейного по счёту автомобиля, а Настя – свадьбу своей подруги. Банкетные залы оказались поблизости, и после какого-то сорок не помню какого по счёту тоста за учредителей, акционеров, партнёров и прочих кровососов многие наши мужики уже отплясывали с подружкой невесты, участвовали в каком-то конкурсе для имбецилов и кричали «Горько!». Заместитель директора Вован сразу навёл мосты с родителями жениха, невзначай поинтересовался – на чём они приехали на столь значимое мероприятие, при слове «Кайрон» сморщил нос и вручил им свою визитку. А я после двенадцати взял такси и увёз пьяную Настю к себе домой. Все остались довольны. Настю я пока не меняю, потому что она хоть и сосёт моё пиво и по возможности – бабло, но и в прямом смысле сосёт успешно, то есть своё главное в этой жизни предназначение выполняет качественно. Меня такой симбиоз на данном этапе развития устраивает. Она подолгу плюхается в моей огромной ванне, жмёт переключатели массажа, плещет мыльную воду на пол, пердит под водой и дико ржёт, просит сделать музыку погромче, а потом зовёт меня потереть ей спинку. Приезжает ко мне один – два раза в неделю из пригорода на электричке, а на жизнь зарабатывает тем, что красит ногти таким же овцам как она сама. Ей – двадцать четыре, из которых двадцать она просидела в телефоне. Мне – тридцать три, я здоров как бык, красив и счастлив, и задумываться над смыслом жизни мы с Настей как-то не привыкли.

– Серж, я хочу в кафе! Или в ресторан! – Настя лениво шевелила губами, глядя на красное небо. – Или один мой приятель сдаёт коттедж посуточно. Там так классно! Давай пригласи-

сим твоих парней из фирмы, а я девчонок своих приведу. И устроим там оргию! С фейерверком! Помнишь, как на свадьбе было классно?

Я тоже смотрел на багровое небо. Нет, хоть в чём-то отец – молодец! Если бы не эта хата на пятнадцатом этаже с видом на Енисей, мост и все закаты – пускать пыль овцам в глаза было бы куда сложнее. Вариант был бы только один: бабкина хата на Красрабе на втором этаже старой пятиэтажки с алкомаркетом под ней и шикарным видом на павильоны с шаурмой и пивом. Днём и ночью мимо окон едут машины, шумят, копят, и им нет конца. Я еле сдал эти развалины в аренду! Когда я был маленький и бабушка была жива, я подолгу стоял у окна и ждал – когда машины закончатся. Ведь не может же их быть бесконечно много!? Позже я стал запоминать отдельные машины и потом долго ждал – когда же они проедут мимо моего окна во второй раз. Ведь коли они не прекращаются – значит ездят по кругу! Я не дождался ни одной машины, которую перед этим запоминал, и это поставило меня в тупик.

Я учился на третьем курсе института, когда скорострительно умерла бабушка. Конечно, мне было её жаль. Горы таблеток и тюбики с мазями ещё несколько месяцев лежали на подоконнике, прежде чем я настроился их выкинуть, а её старую медную иконку зачем-то храню до сих пор. С иконкой вообще всё очень странно: бабушка была человеком советской закалки, хоть и беспартийная. Всю жизнь отработала технологом на «Сибстали», никогда не праздновала ни Рождество, ни Пасху, а после смерти я нашёл у неё иконку из потемневшей меди с распятым Христом и какими-то буквами. Думаю, эта иконка досталась ей так же, как и мне.

Умерла бабушка, надо сказать, очень вовремя: я был уже взрослым, сам мог варить себе пельмени и жарить омлет, а своя квартира для молодого парня – это целая вселенная. А я, вместо того чтобы таскать в хату девок, раз в три дня бегал в аптеку и стабильно раз месяц в последний год её жизни вызывал скорую помощь. Тётя Шура, бабушкина подруга, что помогала растить оболтуса, перекрестила меня в последний раз на её похоронах и исчезла навсегда. Теперь эту хату я сдал тем ребятам, которые торгуют шаурмой и пивом напротив моих окон через дорогу. Эти деньги здорово меня выручали и выручают: отец бабло перегонял нерегулярно, у него были какие-то свои проблемы со второй женой, с детьми от второй жены, со здоровьем этих детей, росших в Норильске при свете фонарей восемь месяцев в году при минус сорока градусах. Честно говоря, меня эти чужие проблемы всегда волновали мало. Я хорошо закончил школу, поступил в ближайший к дому институт, потом год курил траву в железнодорожных войсках, потом всё-таки закончил институт и стал менеджером и экономистом. То есть я стал нафиг не нужен никому, как и все окружающие оказались пофиг мне. Пять лет я мыкался с одной работы на другую, из одного гипермаркета в другой универсам, пока через одного знакомого не устроился в этот автосалон. Через месяц случилось чудо: приехал отец и купил мне эту хату. Началась светлая полоса. Бабкину хату я сдал, новую переделал в студию в почти пятьдесят квадратов, заказал подвесной потолок со звёздами и луной, повесил телевизор на полстены, поставил койку пошире в стиле барокко, а в ванную – джакузи, которую бедные таджики еле туда закорячили. И столько сразу появилось новых знакомых, друзей и подруг, что телефон верещал не переставая, а у моего барокко через год треснула спинка! Сейчас моей целью жизни был новый унитаз с электронным управлением, но все деньги, что получалось не потратить на весёлую жизнь холостого мужчины, я откладывал на покупку своего авто. До этого у меня побывало четыре праворукие японки, но в этом сезоне я всё продал, стойко обходился казённым «Патриотом» и копил деньги на хорошую машину. Что попало брать больше не хотелось. Хороший автомобиль, желательное спортивное купе из салона, мне необходим к образу. А унитаз... пусть он пока так и остаётся мечтой.

– Оргия – это когда я буду тереть твою подругу, а Вован с Олегом будут тереть тебя? Вован, кстати, на Катиной свадьбе в твою сторону изрядно вибрировал.

– А мне что с того? Серж, как же ты груб! Фу! – она прикрыла грудь синим покрывалом, как бы давая понять – насколько глубока степень её обиды.

Как будто я не знал, что поговорка: «А тому ли я давала?» для неё потеряла актуальность ещё в школе.

– Почему меня обязательно кто-то там будет тереть? Мы там просто повеселимся! Там есть караоке, светомузыка. Можно поиграть в бильярд. Он, оказывается, такой широченный! – она мечтательно задумалась на секунду и тут же переключилась на другую тему: – А рядом лес! Мы можем сходить туда...

– Потереться! – опередил я её.

– Серж! Я в конце концов обижусь! За грибами! Представь – как это романтично: есть жареные на шампуре грибы и пить хорошее вино! Ну, Серж! Ну, оргия – это просто я так выразилась! От слова «Орать». Поорём там от души! Скоро зима, а мы с тобой так ни разу и не съездили за город!

– Коттедж так коттедж. Но если Вован тебя там склеит – я склею всех твоих подружек прямо на широком бильярде! Сколько там за сутки берут?

– Серж! Склеишь там меня только ты! А твоему Вовану я привезу дурочку из библиотеки!

Расценки на коттеджи я примерно знал, зарплату недавно получил, так что можно было пустить пыль в глаза ещё паре таких же Насть и неплохо отдохнуть на природе. Что ещё делать неженатому мужику в тридцать три года, когда деньги есть и здоровья – хоть отбавляй? А перед новым годом надо будет снова записаться в спортзал, согнать лишнее, подсушиться, сделать несколько сеансов массажа и хорошую причёску. Кроме того, что я по жизни – мачо, я ещё и негласный секс-символ фирмы, где работаю. И, думаю, к концу года меня ждёт неплохой бонус от шефа за отличную работу и примерное поведение.

– Есть за десять, но там ваще отстой! А рядом есть за пятнадцать. Он побольше, там сад с деревьями и мангалом. Рядом горка есть с полянкой. Серж, давай тот, что за пятнадцать! Ну пожа-алуйста!

Синее покрывало вновь съехало до уровня её пупка.

– Ладно, давай за пятнадцать! – я скинул покрывало на пол, включил телевизор и почти силой положил её левым ухом себе на пуп. – Давай за пятнадцать! Давай, детка, давай! Сейчас всё зависит от тебя! Давай!

* * *

Двадцать девятого августа, в понедельник, я переговорил с Вованом, Олегом и ещё парой сослуживцев на тему – где встретить осень. Разногласий не оказалось: наш народ всегда был скор на подъём, относительно молод, охоч, не лишён своеобразного юмора закоренелого торгаша и фантазии молодого человека, посещающего за рулём пусть казённого, пусть стоящего в салоне, но «Ягуара». Честно говоря, я не был в большом восторге от этой идеи про оргию, но Настя вчера сделала всё от неё зависящее, да и корпоративы в нашей фирме приветствовались: считалось, что так люди ближе узнают друг друга и потом лучше работают в команде.

Через час после планёрки я робко постучал в кабинет шефа. Секретарша сказала, что тот сейчас один и мне можно по крайней мере постучать в дверь.

– Да! – раздалось из-за двери, и я нажал на ручку.

– Иван Николаевич, разрешите отвлечь на одну минуту? – на три тона выше обычного пропел я, став на пять сантиметров ниже.

Шеф был тот ещё пахан годков около шестидесяти, вроде бы майор каких-то войск, выживший в девяностых благодаря связям и везению, заработавший свой первый миллион на палёной водке и юмора не понимавший. Я не знаю – разбирался ли он в тех машинах, которые продавал его автосалон, была ли у него жена и о чём он думал, когда его заместитель Вован вёл планёрку, а сам он сидел в кресле за огромным столом, сложив руки на немаленьком животе и расстреливал нас своими глазами. Дружбы и даже какого-то подобия человеческих отноше-

ний с ним не завёл никто. Шефу это было не надо. А если одному человеку, да ещё начальнику, не хочется дружить с другим подчинённым ему недочеловеком – второй может хоть причёску сменить, хоть пол – это не поможет. Шеф приезжал в офис к девяти утра на своём праворуком «Крузаке», за который перекупы на Гайдашовке не дали бы и четырёх соток, парковал на своём подписанном месте около офиса, сразу проходил в мойку и проверял рабочих на запах алкоголя. При малейшем подозрении следовало увольнение без каких-либо объяснений: рабочие были для него солдатами, которых расходовать – сам бог велел, а шеф не просто не пил – он ненавидел алкоголь во всех его проявлениях включая запах. Потом он двумя словами перекидывался со снабженцем и замом и проводил планёрку. Иногда на планёрке присутствовали корреспонденты, рекламщики, люди из банков, отвечающие за кредиты для наших клиентов, иногда – представители центрального дилерского центра и филиалов и даже изредка – спецы из фирм-производителей: англичане, турки и немцы. Шефу все эти люди были одинаково похер. Реальные дела с такой шушерой вели его заместитель Вован, бухгалтер Михаил, снабженец Иван и два старших менеджера: Олег и Сергей, то есть я. Остальные, – разные кассиры, продавцы и прочая мелюзга, – появлялись и исчезали в нашем офисе так быстро, что мы их не успевали ни потерять толком, ни даже имён запомнить. У шефа в обязанностях оставалась только печать предприятия с правом подписи и связи в городской администрации, в Новосибирске и на таможне, без которых, как мы догадывались, наше благополучие быстренько бы сошло на нет. Шефа мы не понимали, не постигали его желаний, не могли проникнуть в его внутренний мир, а потому старались меньше с ним общаться и не попадаться ему на глаза, как холопы – злому помещику. Иногда к нему в гости наезжали такие же хмурые как он сам дядьки. Кто – с охраной и на «Брабусе», кто – в старом свитере и джинсах, но с такой цепью на шее и такой гайкой на пальце, которые можно было смело менять на подержанный «Дифендер». Однажды к нему в кабинет попытался прорваться бомжеватого вида пенсионер в наколках. Татьяна Даниловна преградила ему дорогу и призвала на помощь меня и Мишу: штатного охранника у нас не было. Шеф, услышав возню в предбаннике его кабинета, вышел, глянул на бомжа, на секунду застыл, потом молча провёл гостя в свой кабинет, где они просидели часа три. Секретарша два раза приносила бомжу по рюмке «Курвуазье» с лимоном, а шефу – чай. На несколько звонков она заученно ответила одно и то же: его нет, перезвоните позже! Через неделю бомж приехал к шефу в гости на новой «Королле», в костюме-тройке и с причёской «а-ля Джордж Клуни». Короче, шеф для меня – загадка века похлеще египетских пирамид.

Я остановился на пороге, держась за ручку двери и готовясь выпрыгнуть наружу, если вдруг окажется горячо.

– Иван Николаевич, мы бы хотели съездить за город на выходные. Впятером. Ну, обычной нашей компанией. Если нет никаких срочных дел конечно.

Выходные для нас были понятием относительным: мы работали сколько надо и когда надо, поэтому уехать за город в субботу и вернуться на работу в понедельник шанс у нас был, но не стопроцентный.

Шеф пробуравил меня своими свёрлами и не думая ни секунды буркнул:

– Хорошо что зашёл. Не хотел об этом на планёрке. Завтра тебе надо метнуться в Новосибир. Пришли две новых модели. Возьмёшь всю документацию, осмотришь там всё, подпишешь всё что надо. Подробности у Тани. Командировочные тебе выпишут после обеда. День туда, день обратно. День там. Приедешь, отчитаешься – и на выходные свободны. Все кроме Вована. Он мне в субботу нужен. Будет важный человек. Вопросы?

Мне ясно было сказано, что подробности у секретарши, но в мозгу полыхнуло, звякнуло, радостно ойкнуло, и я всё же рискнул задать один вопрос:

– Мне придётся подписывать документы на поставку новых машин от имени фирмы?

– Да. Работаете ты давно, в пьянке на рабочем месте не замечен, значит доверять тебе можно. Печати и подписи на всех бумагах проверь перед отъездом лично. Будут вопросы – сразу звони лично мне. Предварительно я созвонился, так что тебя ждут.

Я вышел из кабинета, прикрыл за собой дверь и понял, что я – молодец. Двигаюсь в верном направлении и скоро нагну самого лысого, то есть Вована. Правда, до этого ещё надо дожить. Вован – правая рука начальства, зато я еду за новыми тачками в головной офис! Вован облезет! И хорошо, что он не участвует в нашей оргии в коттедже. А то, если бы он там потянул руки к моей Насте – всё что я бы смог – это выразить свой протест в письменном виде. А ведь он бы точно потянул! Такая конфета с этой лысой тварью! На год старше меня, двое детей живут со второй женой, а он строит из себя бог знает кого. Конечно, на работе мы всегда улыбаемся друг другу, но я чувствую, что этот засранец уже давно почуял неладное и утопит меня при первой же возможности. Только я ему такой возможности не дам! И своей бабы я ему теперь ни пяди не уступлю! Обстоятельства явно изменились. Хотя с другой стороны – моя койка в случае чего больше недели пустовать не будет. А вот этому лысому правой рукой шефа, видимо, быть осталось недолго, раз в Новосибе еду я.

– Сергей, ты хотел меня видеть? – ко мне подошёл Олег и протянул руку.

– Галстук поправь! – я напустил грозный тон, окинул его шуплую фигуру с ног до головы и только тогда нехотя пожал в ответ.

Нет, этот мне точно не конкурент. Работает год, справляется, но выглядит рядом со мной как «Фокус» рядом с «Икс Джей 12».

– В субботу вечеринка в коттедже. Едем с ночевой. Цена – по пятёрке с хрена. Бабы будут, так что своих никого не тащи. Деньги собирает Михаил. Вован тоже хотел ехать, но шеф его хочет видеть в субботу тут. Съездите с Ваней или Мишей, провентилируйте про мясо на шашлык, но заранее не берите! Возьмите пока бухло, гандоны. Ну и так что-нибудь, не знаю... Конфеты что ли. Или зелень! Точно! Овцам же зелень надо! – и я рассмеялся.

Не потому что так удачно пошутил про овец и зелень, а потому что изнутри меня распирала радость по поводу моего пока горизонтального, но карьерного роста. Я хлопнул Олега по плечу и небрежно добавил:

– Я после обеда уезжаю в Новосибирск подписывать контракт на продажу новых моделей. Буду в конце недели. Вопросы будут – звони мне лично!

Я говорил с младшим по званию таким же тоном, каким шеф только что говорил со мной, и это придавало мне веса в своих глазах. И ещё я точно знал: похлопывая человека по плечу или называя его малышом, ты задаёшь его мозгам программу на годы вперёд: он – мозгляк по сравнению с тобой и всю оставшуюся жизнь будет где-то в глубине души, на подсознательном уровне, знать, что ты – главное его, умнее и старше по званию.

Мозгляк криво улыбнулся, хотел что-то спросить, но я его опередил:

– Свободен! Иди в зал! Там клиент возле машины трётся! Как бы капот не поцарапал! – и повернулся к секретарше: – Татьяна Даниловна! Иван Николаевич оставлял для меня документы по Новосибирску?

Олег пропал где-то в глубине зала. Секретарша полезла в сейф. Женщина пенсионного возраста работала с эмоциональностью робота, что почему-то очень нравилось шефу, и он держал её возле себя уже много лет. Когда я пришёл в фирму – она сидела ровно за тем же столом в той же юбке и той же блузке, так же перебирая почту и отвечая на звонки, сдвинув на нос большие роговые очки. Неужели шеф никого помоложе да поинтересней не смог найти? Даже если между ними когда-то что-то и было – что с того! Секретарша должна глазки строить, а эта только глянет – сразу хочется быстрее все дела сделать и уйти. Нет, не понимаю я шефа! Что телефон у него, что машина, что секретарша, что костюм – одно старьё. Нет, решительно не понимаю.

Я взял папку и открыл её. Оказывается, на меня уже заказан билет в купе на восемь вечера. Как и велел шеф – проверил каждую бумажку. Придаться было не к чему. Получил в кассе командировочные, съездил домой, собрал кейс, побрился, и в восемь вечера помахал рукой сияющему после капитального ремонта железнодорожному вокзалу Красноярска.

* * *

Тридцатого августа, утром, когда в окнах моего вагона мелькали неказистые пригороды Новосибба, позвонила Настя и сообщила, что у неё набирается столько подружек, желающих провести выходные в коттедже на Овинном, что хоть конкурс красавиц проводи. «Полдервни дюрок – подумал я – припрётся в красных платках с натёртыми свёклой щеками!» Вслух я это не сказал, но на всякий случай напомнил несколько прописных истин: лучше одна неприличная девушка, чем три приличных, времени на медленные танцы там не будет, и поинтересовался – участвуют ли дамы в системе оплаты коттеджа или у них какие-то другие обязательства перед клиентами? Кредит? Рассрочка платежа? Неожиданностей не случилось: дамы оказались неплатёжеспособны, но сговорчивы. На том и порешили. Поскольку я уехал – моя кровать в качестве отборочного тура к сожалению отпадала. Настя поругала меня за чрезмерный цинизм, пригрозила муками ревности и пообещала, что четырёх девчонок отберёт как-нибудь сама. Я не стал говорить, что со шлюхами я церемониться не привык, а мальчиков будет не пять, а четыре. Лишняя дама добавит перцу в наше и без того горячее блюдо! Тем более, что не будет именно Вована, а это значит, что главным самцом в компании автоматически стану я. Интересно – кого на этот раз мне принесёт судьба? Настя Настей, а вот рыжей овцы у меня давно не было.

От греховных мыслей про рыжую овцу я нехотя переключился на суровую действительность: поезд сбрасывал скорость и через пять минут причалил к огромному зданию новосибирского вокзала. Я вытащил из ящика под сиденьем кейс, переставил на один час назад время на своём «Сони Икспирия» последней марки, надел пиджак, поправил перед зеркальной дверью галстук, глянул на спящего мужичка – единственного соседа по купе, который подсел ночью в Ачинске, и пошёл на выход.

В последнюю неделю августа столица Сибири плавилась от зноя. Я думал – так душно только в поезде, но, покинув вагон, облегчения почти не испытал. Несмотря на довольно ранний час, дышать уже становилось тяжело, и я пожалел, что не могу поменять костюм и галстук на шорты и футболку.

На выходящих из вокзала людей с чемоданами и рюкзаками тут же набрасывались стаи голодных таксистов.

– У тебя мотор какой марки? – ответил я вопросом на стандартный вопрос атаковавшего меня бомбилы.

– «Рено»! – немного растерявшись, сообщил тот. – А это для тебя прям так важно?

– «Мерины» у кого-нибудь есть? «Бэхи» крайняк? – поправляя дорогие солнцезащитные очки средним пальцем с кольцом из карбида тантала спросил я громко.

– Паэхалы! – толстый кавказец в кепке, красной футболке со стёршейся надписью «Адидаас», синих трениках и сланцах на босу ногу махнул мне рукой и больше не поворачиваясь пошёл в сторону серого «Мерседеса» Е-класса с большим световым табло на крыше.

В новосибирском офисе, филиалом которого являлась наша красноярская фирма, я был до этого дважды. Мы приезжали сюда с Вованом раз на Уазике и раз на «Форде» по обычным делам. Офис располагался в отдельном здании неподалёку от набережной Оби, и в тот момент, когда я рассчитался с таксистом и подошёл к входу – только открывался. Я вдохнул поглубже, резко выдохнул, для разминки мимических мышц лица быстро проговорил: «Ми ма мо ми ма мо ми ма мо» и потянул на себя тяжёлую зеркальную дверь.

Технический директор, высокий тощий дядька с ёжиком совершенно седых волос и выправкой старого гвардейца, встретил меня сухо, удивился, что приехал я, а не Владимир Андреевич, внимательно изучил мои бумаги, потом набрал номер моего шефа:

– Ваня! Привет! Не спишь? Да я шучу! Тут человек твой прибыл. Почему ты мне этого красавца не прислал, когда мы рекламу снимали тем летом? Ну, тот календарь с новыми автомобилями! Я же тебе штук десять высылал! Склероз начинается? Ну, слава богу! Выговор тебе! А Владимир не заболел? Ах, вот оно как! Ну, это ваши дела. То есть с этим молодым человеком я обсуждаю все тонкости, о которых мы с тобой договаривались? Бумаги ему тоже передаю? Хорошо. Давай до связи! Э-эй, погоди! Как там Даниловна? Ну, хорошо! Привет ей передавай! Ладно, давай!

Во время звонка он неотрывно смотрел в окно, из которого открывался чудесный вид на реку. По Оби против течения, еле двигаясь, упорно плыла моторная лодка, а над ней летали какие-то большие птицы. На том берегу проехал двухэтажный «Неоплан». Это была моя любимая марка автобусов, который я без труда узнал даже с такого расстояния. Звуки с улицы в помещение не проникали совершенно, и мне на миг показалось, что передо мной огромный телевизор. Я машинально перевёл взгляд в левый нижний угол огромного окна, где должен был высвечиваться красным перечёркнутый крест-накрест символ динамика. В левом нижнем углу вместо значка «Мьют» перед стеклом стояла двухметровая пальма в деревянной кадке.

Положив огромную лопату мобильного телефона на стол, патрон ещё несколько секунд смотрел на пейзаж, потом крутнул кресло и улыбнулся мне уже как родному:

– Ну-с-с, уважаемый Сергей... как вас по батюшке? Тогда давайте перейдём к делу! Обсудим некоторые нюансы нашей работы, которые, так сказать, не обязательно знать нашим покупателям и даже вашим коллегам!

В кабинете стояла приятная прохлада: кондиционеры творили чудеса. Успокоившись после того, что сообщил ему Иван Николаевич и поняв, что подозрения напрасны, патрон был любезен настолько, что сам включил чайник и предложил мне кофе и печенье после того как сообразил, что я только с поезда и поэтому не позавтракал.

«Тоже поди майор! Нет, скорее – полковник. Везёт же некоторым!» – подумал я, улыбаясь до сухости дёсен и регулярно кивая этой акуле межрегионального масштаба.

* * *

Первого сентября, в четверг утром, я появился на работе. Всё, что было запланировано – я выполнил, о чём сразу же доложил шефу. Тонкостей в нашей работе оказалось на порядок больше, чем я подозревал, и теперь я смотрел на наши авто, сверкающие в выставочном зале новым лаком и хромом, несколько иными глазами.

Шеф полистал привезённые мной бумаги, задал несколько вопросов, внимательно выслушал ответы и сообщил, что на все выходные мы вчетвером свободны. Он никогда не хвалил и не ругал сотрудников. Он или поощрял их материально или увольнял. Я переговорил с Олегом, Мишей и Ваней про предстоящий пикник, и все вместе мы посочувствовали Вовану. Тот, конечно, и виду не показал, что чем-то недоволен, пожелал нам удачно провести время и напомнил, что запах перегара в понедельник – это увольнение. Но по тому, как рьяно он зарылся в бумаги и каким голосом орал в телефон на механика, было понятно, что настроение у лысого поганое. А это не могло меня не радовать.

Вечером перед сном я выпил рюмочку хорошего коньяку, посмотрел новости про то, как по всей стране нарядные детишки с букетами пошли в школу учиться бог знает чему и непонятно зачем, и лёг спать в прекрасном расположении духа.

* * *

На другой день, второго сентября, в пятницу, случилось ещё одно событие, которое я с удовольствием записал себе в актив: я практически в одну дыню продал два «Эксплорера»! Такого в нашей фирме не было никогда, чтобы за два часа один менеджер подошёл к потенциальному покупателю, втюхал ему дорогуший «Форд» под бешеный кредит, а потом втюхал такой же ещё и его жене! Клиент, полноватый мужчина в самом расцвете сил и по совместительству – владелец сети городских пивоварен, сомневался – какой автомобиль ему подходит больше для поездок на работу: «Крузер», «Патруль» или вот этот монстр, нагло вылупивший свои огромные фары прямо ему в кошелёк. Ответ я знал: десятилетняя «Тоёта Витц», но, естественно, вслух его не озвучил. Ознакомившись с машиной поближе и посидев в салоне, он решил посоветоваться с женой и набрал её номер:

– Зайка, я сейчас в салоне. Смотрю белый «Эксплорер». И вот даже не знаю... Тут только белые, да. Чёрные подвезут только в новом квартале. Взять? Ах, тебе? Ну он такой... э-э-э... Подожди, я сейчас дам трубочку продавцу!

Двадцать минут спустя клиент оформлял два джипа одной марки – белый и чёрный – в кредит. Каким надо быть идиотом, чтобы покупать в кредит два джипа, причём один – для какой-то Заи, которая, как я понял по голосу, ему годится в дочери! Когда за ним закрылись двери, коллеги устроили мне овацию. Банк дал пять миллионов в кредит под совершенно конские проценты, мы перевыполнили квартальный план, а я поднялся в своих глазах на небывалую высоту и почувствовал, что бонус в конце года будет весьма и весьма существенным. И значит – я смогу, наконец, взять себе машину. Пусть не из салона, но хорошее купе. Знакомый перекуп давно сватает мне отпадное точило в лице белой полноприводной «Селики» без пробега за семьсот тысяч. Конечно, взять из салона было бы престижнее, но я не сумасшедший, чтобы брать машину в кредит, а двух лямов у меня, к сожалению, пока нет! И ещё у меня мелькнула мысль: а не открыть ли мне свой автосалон? Чем я хуже шефа? Ведь в этом деле главное – связи. А они у меня уже появились. Новосибирский патрон дал мне свою визитку и велел звонить лично в случае чего.

Я позвонил Айвазу на Гайдашовку. Тот аж подпрыгнул и затараторил про то, что с нового года все цены на тачки взлетают до небес, так что эта «Селика» – просто подарок и он готов её придержать, хотя его в данный момент за грудки схватил один жлоб и готов взять это точило хоть за девять сотен. Один автодилер присел на уши другому! Я улыбнулся его словам про соотношение цена – качество, про надёжность данной марки и дешевизну в обслуживании и поздравил с наплывом покупателей. Только что я сам говорил пивовару то же самое. Мне хотелось сбить цену на «Селику» хотя бы на полтос, но в итоге сошлись на шестистах семидесяти пяти. Я смотрел эту машину месяца два назад, и мне она очень понравилась. Что называется – к душе вещь. После работы я сел в такси – и ещё через три часа мы с Айвазом уже жали друг другу руки. У меня на карте осталось – страшно подумать – всего четыре тысячи! Зато домой я приехал на такой машине, о которой мечтал. Ну, руль правый и сиденья не в целлофане. Зато всё остальное сверкает и блестит так, как новое не блестело. Я поставил своё приобретение на стоянку около дома и решил приехать в понедельник на работу уже на ней. Небрежно хлопнуть дверкой, нажать на кнопочку, машинка пискнет, мигнёт, и Вован, который ездит на двенадцатилетнем «Корандо», – вот оно, счастье! – облезет ещё больше и неровно обростёт.

* * *

Третьего сентября, в субботу, мы вчетвером с утра затарили Мишин джипарик продуктами и выпивкой и поехали в Овинный. Пока нашли адрес нашего коттеджа, пока осмотрелись – позвонила Настя и сообщила, что они уже вышли из электрички и ждут нас на перроне. Миша съездил за стадом и привёз пять нарядных травоядных, благоухающих на все лады и на редкость хорошеньких. Настя своё слово сдержала. Девочки были относительно

милы, местами стройны, распущены ровно настолько, что не стеснялись шнуровать кроссовки не сгибая коленок, смеялись над всем, что говорили мальчики, семечки не лузгали и старались не материться. Светские львицы из Новоебуново! Наше межвидовое общение началось смехом, щебетанием и едва ли не обнюхиванием. Но прайд очень расстроился, когда узнал, что мальчиков четверо. При этом на их узких лобиках прорезались морщинки, означающие, что до них дошла ситуация: одна из них – лишняя. Настя вела себя так, словно я был отцом её троих детей и потому она имеет на меня полное право. А вот я, увидев новое мясо в лице рыженькой Юли, глубоко вздохнул и почувствовал, как ёкнуло в селезёнке. Пока я был трезвый – я как-то мирился с ролью верного мужа, но когда через пару часов активного отдыха в ход пошёл третий бокал, а на мангале подрумянился первый шашлык – я начал заводиться. В душе я уже застолбил эту рыжую овцу! А овца разглядела меня. Меня вообще увидели и оценили все дамы, но, предупреждённые, что я – Настин, переключились на Ваню с Мишей, а Олег сразу взялся колоть дрова для мангала и камина, таскать стулья, резать мясо – то есть делать всё то, что в золушкином припадке делает тот, кому колоть дрова приятнее чем тереть бабу. Я знал, что Олег – маменькин сынок и не женат, но не знал, что настолько! Или он специально ведёт себя как какой-то деревенский мужик, чтоб у меня рыжую отбить? Вот смех!

– Меня зовут Юля! – первой заговорила со мной рыжая, стоя босиком рядом со мной около мангала в белой майке и джинсовых шортиках и оказавшись ростом мне по плечо. – Мне Настя про вас столько всего рассказывала! Вы торгуете дорогими машинами? Наверно, и у вас такая же?

– Обещаю прокатить при первой же возможности! – не стал вдаваться я в детали, справедливо полагая, что коротко стриженная и по дачному загорелая шатенка скорее отличит ДТ-75 от «Кировца», чем мою новую «Тоёту» от «Ягуара». – А ты где работаешь?

– У меня профессия не такая романтичная: я работаю в школьной библиотеке. Закончила культпросветучилище в Минусинске, а теперь вот снова живу с родителями, – словно извиняясь закончила она и взяла со стола хлеб и помидор в качестве закуски.

«Беспросветное училище» – хотел пошутить я, но меня отвлекла Настя, позвав в дом за какой-то ерундой и вдруг взявшись страстно меня целовать, едва я переступил порог. Потом затащила на второй этаж, открыла дверь ближайшей комнаты и повалила меня на койку. Сопротивляться смысла не имело: моя дама уже разделась до купальника, сочетая приятное с ещё более приятным, а когда тебя валит на спину женщина с третьим размером груди в поло-сатом красно-синем купальнике – о сопротивлении со стороны мужчины речь вообще идти не должна. Так что у мангала мы появились лишь минут через двадцать.

Процесс знакомства проходил на улице. Темы разговоров, начавшись с Таиланда или цены на коттеджи в этом пригороде, как-то сами собой сходили на интим. Парни были в ударе, девки дико хохотали, даже Олег, подначиваемый Тоней, выпил пару хороших бокалов вина и был циничен не по годам. Девушки, расслабившись, все как одна закурили какие-то модные тонкие сигареты и очень удивились, узнав, что ни один из парней не курит. Погода стояла чудесная, поэтому стол изначально был накрыт на площадке перед коттеджем.

Наш домик оказался просто прелесть! С ним в комплекте шёл зелёный забор, огораживающий ещё соток пять клумб, дорожек, посыпанных щебнем и даже гараж на две машины. Место для отдыха – самое то. Я тут же захотел себе такой же домик на природе, озвучил это предложение и был поддержан своими коллегами. Тоня невзначай обронила, что у неё в деревне домик не хуже, а огород не пять соток, а двадцать, и Олег как-то резко перестал делать вид, что она ему безразлична. Сразу за забором начиналась пологая горка метров пятьдесят высоты, редко поросшая сосной. Для полноты картины тут не хватало только речушки, и я сказал, что в своём будущем садике обязательно сделаю пруд и пущу туда рыбу. На что Тоня заметила, что её домик стоит на берегу Берёзовки, и по весне к ней в огород приплывает по пять мешков пластиковых бутылок и другого мусора. Олег сообщил на это, что знает – куда

сдавать пластик и предложил отвести русло Берёзовки в сторону от Тониного огорода. Тоня была в полном восторге!

К вечеру коллектив как-то сам собой распался на пары. К Олегу накрепко приклеилась крашенная брюнетка Тоня, к Мише – крашенная блондинка Света, к Ване – тоже блондинка Лена. Девочки были хороши, если смотреть метров с двадцати. При ближайшем рассмотрении деревня из них пёрла со всех дыр. Я смотрел на этих хордовых, и моя и без того буйная фантазия, сдобренная стаканом красного вина, видела их на дискотеке в клубе с бутылкой пива и в галошах в компании типажа Гарика Сукачёва в «Старых песнях о главном». Я заметил, как Тоня отхлебнула «Изабеллы» и сморщилась: явно привыкла к чему-то покрепче. Лена пару раз вытерла руки о нарядную юбку. Света регулярно падала с не самых высоких каблучков, а беспросветная Юля поглядывала на всех мужчин как на небожителей, и по её хорошенькому личику было заметно, что она в растерянности от такой шумной компании. Моя с Юлей перестрелка взглядами не укрылась от глаз Насти. Та суетилась на правах хозяйки, носила посуду, в шутку распределяла номера в доме – какая пара в каком номере проведёт медовый месяц и громко заявляя, что вот этот номер – для неё и «её Сержа». Это резануло мне ухо: я не собирался вставать в чьё-то стойло и становиться чьим-то хоть на одну ночь. Я управляю жизнью! Я тут играю главную роль! Так и хотелось спросить свою подругу: ты откуда этот коттедж знаешь как свои пять? В каком углу тебя тут ещё не драли?

Девушки возбуждённо смеялись над каждым тупым анекдотом, и я вскоре наказал Олегу разбавлять этим королевам вино водкой, чтоб и им привычнее, и к ночи все были в состоянии нестояния. Олег удивился, так что пришлось идти с ним в дом и показывать – как готовить вино для женщин в тех случаях, когда жизнь заставляет торопить коней.

– Они же все в школе физику изучали недавно! – с серьёзным видом напутствовал я юного друга, выливая литр красного вина из тетрапака в графин и добавляя туда грамм сто водки. – Поэтому пить им надо до потери сопротивления!

– Как-то это... ну не подло, а... ну, может хоть предупредим? – глядя на мои священнодействия, промямлил тот.

– Объясняю ситуацию один раз, а ты читай по губам: бабы приехали к мужикам! Они пьют и курят! Это женский международный сигнал типа сос! Все мужики это знают! Кроме тебя. Но сразу дать они не могут, потому что изображают приличных. Для этих приличных, я думаю, обычное дело давать за полсотни баксов в час. А вот так, даром, они не приучены и потому малость зависли. Поэтому мы облегчаем им задачу: поим их в хлам и – женщина уже не шлюха, а просто расслабилась на выходные! Усёк? И давай пожалуйста без этих своих вечных сомнений! Вован бы им вообще сразу димедрола набодяжил! Что ты там заливал ей про мелиорацию? Продолжай в том же духе! Не видишь, что она с тебя тащится? Сегодня у вас всё закончится свадьбой, а про завтра мы подумаем завтра!

Жарилось мясо, играла музыка, резалась зелень, сыпались шутки, и вино текло такой широкой рекой, что когда в семь вечера решено было перейти в дом ввиду похолодания забортного воздуха – Юля встала со стула и тут же демонстративно упала мне в руки:

– Сергей, я, кажется, пьяная!

Я подхватил её на руки и понёс в дом.

– Можно меня сразу на какую-нибудь кровать! – пролепетала та, обхватив меня за шею руками.

– Чёт я не поняла! – с пунцовыми от злости и вина с водкой щеками поднялась из шезлонга Настя и, слегка пошатываясь, двинулась за нами. – Подруга! Я чёт ничё не поняла!

– Ты видишь – не может человек идти! – я прижал расслабленное тельце крепче и понял, что если не поймаю его сегодня, то жизнь будет прожита напрасно. – Скажи лучше – где наша койка?

Я вошёл в дом и положил Юлю на предварительный диван в прихожей. Её и без того не самые длинные шорты задрались, и я, не в силах удержаться, сел с ней рядом и положил руку на бедро.

– Чёт я не поняла, подруга! Серж! Я не за этим скотством сюда ехала!

До Насти не доходило, что в пролёте оказалась именно она. Я смотрел на Настю и не мог понять: как я мог жить с этим чучелом почти три месяца и ни разу не облеваться? Пьяная деревенская хамка с огромными сиськами и красной мордой. То ли дело Юля! Худенькое, можно сказать – хрупкое существо с огромными глазищами и стрижкой под мальчика. Судя по поведению – не то что пить не умеет, а вообще нецелованная. Может, я себе много про неё нафантазировал, но пульс подскочил до сотни. Не будучи уверен в том – что последует через пять минут, но твёрдо зная, что раз баба даёт – надо брать, я встал с дивана и подошёл к Насте:

– Ты чё орёшь как потерпевшая? Закрой вафельницу! Для неё где комната?

Если бы Настя повела себя как-то иначе – может всё пошло бы не так. Но она повела себя так как повела: она молча пнула меня в пах и рванулась к дивану, на котором хлопала мутными глазками соперница. Я перехватил её за плечо, крутнул и врезал по щеке ладонью что было сил. Лицо у той из красного сделалось за секунду багровым. Она попыталась было сохранить выдержку и продолжить поединок, но вдруг схватила за скулу, присела на корточки и заверещала так, что у меня уши заложило. Вбежали Олег с Мишей, потом кто-то из женщин. Юля сидела на диване, забившись в угол и подобрав колени, и я мимолётом снова подумал: теперь я её точно тут ототру!

– Зачем же женщин-то бить? – стоя около потерпевшей, сурово выговорил мне Олег.

– Ты знаешь – куда она мне ногой въехала? Проблядь! Миша! В машину её и до перрона доведи! Пусть валит отсюда нахер, шалашовка!

– Я выпил! Какой теперь руль! – неуверенно сказал Миша. – Может, Ваня съездит?

– Ну Ваня пусть съездит! Где Ваня? А он типа трезвый?

– Он с Леной наверху. Наверно, скоро будет.

– Уже? – я даже зааплодировал. – Молодцы! Даром времени не теряют! Короче: садись за руль и увези отсюда эту тварь! Это приказ! Тут деревня, машин нет, ментов нет, до станции две версты. Или пусть пешком валит! Вон, глянь сюда! – это я уже обращался к Тоне, которая успокаивала Настю. – Смотри куда ногой мне заехала! Сука!

– Сергей, я... – пытался что-то возразить Миша.

– Хочешь чтобы я её увёз? Я увезу! Давай ключи! – я сделал многозначительную паузу, чтобы этот червяк своим спинным мозгом раз в башке пусто понял – что будет завтра с ним, если увезу её сейчас я.

Настю поливали водой, осматривали щёку, пудрили, мазали, успокаивали, поили вином, пока Миша искал ключи и заводил свой джип. Настя материлась, всхлипывала, пыталась прорваться ко мне, кидалась «кобелями» и «недоносками», но я послал подругу подальше, её оттёрли и засунули на заднее сиденье старенькой «Грандвитары». Я было подумал, что кто-то из дам тоже захочет уехать и по большому счёту мне было на это плевать, лишь бы Юлька осталась. Но, видимо, женская солидарность – это понятие очень редкое, если вовсе не сказочное. Пока был шум – гам, я ловил на себе полные ненависти взгляды, но прошло пять минут, и, сообразив, что слабое звено – не они, всё как-то перетекло из состояния переполоха в нечто деловое и будничное. «Видать, на дискотеке в клубе и не так по харе прилетает!» – Подумалось мне. Руки почти перестали дрожать, и я хотел было отнести Юлю в один из номеров на втором этаже.

– Не надо пожалуйста! Я тут маленько посижу. Тонь, завари мне кофе! Насть, ну ты чего в самом деле? Мне правда нехорошо! – бормотала она, еле ворочая языком.

Миша увёз потерпевшую, через полчаса вернулся и сообщил, что дождался вместе с ней электричку и посадил Настю в поезд. Она просила передать мне что-то на словах, но он запомнил пару редких прилагательных.

Можно было продолжать праздник. Мы выпили, поджарили, закусили, и я перевёл тему на новые английские и немецкие автомобили. Женщины сделали вид, что заинтересовались, а раз пьяная женщина сделала вид, что её что-то заинтересовало – можно не сомневаться, что через пять минут она будет уверена в том, что это интересовало её как минимум три последних года. Призрак Насти несколько раз пронёсся над мангалом и растворился в холодеющем осеннем воздухе. Ещё через полчаса спустились со второго этажа Ваня с Леной и как-то отстранённо поинтересовались – что за шум они только что слышали?

– Только что? – искренне удивился святой Олег, и мы покатались от смеха.

Выжатый Ваня, видимо, так и не понял причину нашего хохота, а Лена только ответила:

– Да! Вот такие мы! – одним взмахом опрокинула стопку водки и вгрызлась в ещё горячий шашлык. – Гулять – так гулять!

Отсутствия подруги она, похоже, даже не заметила.

Через час мы разожгли камин в доме, дамы переоделись из купальников в юбки, блузки и платья, – в брюки ни одна свою молодую красоту не спрятала! – и устроили конкурс караоке. Юля, попив кофе, выглядела уставшей, у неё время от времени закрывались глаза, и я втихомолку выговорил Олегу за то, что мы переборщили с водкой. Тот пожал плечами, но спорить не стал. Почуввав свободу, я не отходил от Юли ни на шаг. Наше общество стало, наконец, логичным и гармоничным, без внутренних противоречий и подводных камней, а не какой-то оргией. И всего-то делов – дать одной дуре по морде!

Мы дуэтом спели пару песен, потом под пару медляков станцевали что-то вроде прелюдии к совокуплению и пошли играть в бильярд. Пока одна пара гоняла шары по зелёному сукну, две другие усиленно тискались в широких креслах под релаксирующие песни в исполнении Патрисии Каас и подвывание саксофона. Через час, когда на улице уже всю светила полная Луна, я с радостью обнаружил, что в бильярдной остались только я и она. Остальные уже разбрелись по каютам и от прелюдии перешли к делу. Из-за неприкрытой в спешке двери было слышно, как Тоня шумно насилует Олега. Остальные вели себя тише, но в принципе вся ситуация, сам воздух в доме прониклись именно тем неприкрытым развратом, который я так любил на подобных вечеринках. Юля глянула на меня, отвела взгляд и слегка покраснела. Я вспомнил слова Насти про широкий бильярд, подошёл к Юле сзади в тот момент, когда она нагнулась, неумело примериваясь ударить свояка в среднюю лузу, и запустил руку ей под юбку. Во мне всё кипело и бурлило. Эта красотка весь вечер крутит жопой перед моим носом, а я всё ещё сомневаюсь – хорошо ли это будет выглядеть после того, как я отправил Настю в нокдаун.

– Я не хочу тут! – не оборачиваясь, тихо сказала она.

– Идём в комнату! – язык у меня приклеился к нёбу, и мне резко захотелось пить.

Пока она собиралась с мыслями и боролась с непонятными мне чувствами – я хапнул стакан ледяного «Хан-Куля» из холодильника.

– Я вообще тут нигде не хочу! Идём на улицу! На горку что ли поднимемся! При Луне! Возьми вино! И одеяло тоже возьми пожалуйста!

Я только молча кивнул одуревшей головой. От возбуждения я не мог даже говорить и сам себе напоминал быка, увидевшего мулету. Мне уже было всё равно – кто и что про меня подумает. Даже если бы я знал, что за мулетой спрятался матадор со шпагой – меня бы это уже не остановило ни на секунду. Её двадцатитрёхлетняя жопа была у меня в руках во всех смыслах этого слова, и остановить сейчас меня могла только смерть.

Она набросила на плечи платок и вышла в темноту двора. Я взял из номера на втором этаже одеяло, початую бутылку «Муската» и два бокала на длинных ножках. Она медленно шла к калитке по дорожке, отсыпанной мелким гравием. Я догнал её, когда она открывала

калитку. Лаяли деревенские дворняги, пахло коровами и ночной прохладой. Она передёрнула плечами, и я, развернув одеяло, накрыл одной половиной её, а в другую завернулся сам: стало прохладно. Она прижалась ко мне плотнее, я крепко обхватил её за талию, и мы пошли вверх по тропинке на гору. На самой вершинке было чьё-то старое кострище, валялись бутылки из-под водки и драные целлофановые пакеты. На двух парах кирпичей стояла незатейливая доска, подразумевающая скамеечку. Я расстелил одеяло под сосной, налил вино в фужеры и даже сказал какой-то невнятный тост. Я уже весь был в ней, а она, словно не понимая – зачем мы тут и издеваясь – завела какую-то бодягу про Луну, Ромео и семейное счастье, которое вот так и должно начинаться у русского народа. Обожаю пьяных женщин! Хорошо, хоть не попросила за закуской сбегать! Я изображал слушателя ровно пять минут, потом повалил её на спину, присосался к её губам и в нетерпении стащил какие-то смехотворные ажурные трусики: готовилась, зараза, к случке, но без гнилых базаров про Луну никак не может ноги раздвинуть! Видали мы таких! В последнюю секунду она вдруг спохватилась:

– Ты предохраняешься? А где? Ну, эти... резинки?

– Да ладно, не переживай! Нету с собой! Ты же не сказала, а я и думать забыл обо всём! Ты такая красивая! Ты просто супер!

Она попыталась выкрутиться, но под моим весом ойкнула и наконец затихла. Её жопа снова была в моих руках. И мне даже в какой-то момент показалось, что я её люблю. Что – вот оно, счастье, и никого другого мне уже не надо. Ну и мысли мне в голову приходят, когда пьяный!

Больше она мне в этот вечер не дала. Мы молча полежали на одеяле ещё минут десять. Наш жар быстро проходил, ночная сентябрьская прохлада обещала скорые заморозки под утро. Я попытался рассмотреть её лицо при свете звёзд. Лицо как лицо. Глаза закрыты, руки, ненужные в данный момент, безвольно брошены вдоль тела. Я положил ей руку на грудь и решил, что неплохо бы продолжить романтический вечер в том же духе. По пять тысяч зря что ли выкинули!

– Сергей! – остановила она мою руку своими холодными пальцами. – Ты знаешь: извини, но я ничего не почувствовала. Вернее, всё это как-то не так. Хватит! Идём, а то холодно! Я хочу домой!

Я сидел перед этой соплячкой и не знал – что ответить. Такой оплеухи я не получал ни разу! Она, видите ли, не почувствовала! «Ну иди, с конём трахайся! Там наверно почувствуешь!» – первое, что подумал я, надевая штаны и сворачивая одеяло. Но вслух ничего не сказал. Было как-то лениво и вообще насрать – что там эта овца почувствовала. Мы дошли до коттеджа. Она, как и днём, когда ей стало дурно от вина с водкой, села на большой коричневый диван в прихожей, натянула на себя одеяло и сказала, что переночует здесь. Я пожал плечами, взял с собой остатки «Муската» и пошёл в свою комнату. Выпил ещё фужер, подержал над ним осовевшую бутылку, выжимая последние сорок капель, и уже сквозь сон услышал, как за стеной скрипит кровать. Пятнадцать тысяч выкинули только за дом! Плюс бухло и мясо! За что спрашивается? Два шашлыка съесть да палку кинуть? Правильно я Насте по соплям дал! За дело! С тем мне и уснулось.

* * *

Четвёртого сентября мы окончательно встали и начали полноценно функционировать только к одиннадцати. Кто-то ещё поскрипел на прощанье кроватью, но мне даже лень было поинтересоваться – кто оказался у меня в соседях и так активно не давал спать. Обменивались телефонами, собирали вещи, пили кофе. Женщины предложили опохмелиться, но мы рассказали им о диких нравах нашего начальника и его животной ненависти ко всему, что пахнет алкоголем. Подруги всё-таки выпили по стременной и откровенно висели на моих товарищах, прозрачно намекая на продолжение отношений. Ну, конечно! Мы только и мечтали о том –

как бы разделить старость с доярками! Сказали бы спасибо, что с нами не оказалось Вована и потому вам в вино не накрошили димедрола! Вы бы очнулись только к вечеру, а Вован бы потом с гордостью рассказывал, как огулял целый курятник. Да и наша цель – не коммунизм и даже не свадьба. Наша цель – личное финансовое благополучие и успех во всём путём продажи английских автомобилей. И те дамы, что смотрели в детстве «Семнадцать мгновений весны» получают в вино водку. А те, что «Девчата» и «Летят журавли», то есть с лишней совестью в штанах – димедрол. И если кому-то не нравятся наши подходы к действительности – это ваша проблема, а не моя. Мы берём жизнь за рога и выжимаем её до капельки. Нас так учили, на том стоит и стоять будет современный российский бизнесмен. Количество баб поднимает наш статус так же, как и количество денег на карте. Тот, кто с этим не согласен – лох по жизни! И оправдывает то, что он лох какими-то христианскими моральными нормами, которые написаны такими же лохами! Конечно, Вован иногда перебарщивает, и нас от его выходок часто воротит. Но с кем такого не бывает! У него денег больше, чем у нас. Поэтому до споров с ним нам надо подкопить деньжат и устояться в этой волчьей жизни. Сегодня у нас в стране всегда прав тот, кто богаче, и исключений из этого правила я не видел ни разу.

Юля вела себя так, словно между нами ровным счётом ничего не было. То ли по жизни она слегка притормаживает, то ли с бухлом не в ладах? И вообще, при свете дня она выглядела вовсе не так романтично, чем накануне вечером. И глазки чуть поплыли, и титьки втрое меньше Настиных. Я попросил её продиктовать свой номер телефона. Смотрел на её нелепый ёжик волос, на потухший взгляд, уже понимая, что прошу чисто на тот случай, если вдруг Настя – а это вряд ли! – всерьёз разобиделась. У меня таких юль в смартфоне было уже с полсотни, – баб, с которыми я уже спал и кандидатов в таковые. Одной больше, одной меньше... Юля как-то мутно поглядела на меня, скривила губы, но потом продиктовала свой номер. Эта сука ещё и губы на меня кривит! Ладно, завтра я этот номер всё равно сотру. Вот так мне заявить, что она ничего не почувствовала! В кого навозом кинуть! В меня! Этого я ей ни в жизнь не забуду и не прощу! Это вместо того чтобы спасибо сказать за то что пожрала да потёрлась тут нахалю! Все они одинаковые! И серёжки явно материны, какие-то старинные. С александритом однако. Смех, а не серёжки! И что я на неё вчера так запал? Ладно бы сиськи были как сиськи! В любом случае надо позвонить Насте через пару дней. Авось остынет да проморгается. А нет – так новую найду!

Мы попрощались. Миша отвёз блеющее стадо к электричке и вернулся за нами. Мы собрали вещи, позвонили хозяину коттеджа и подождали, пока тот придёт с другого конца улицы за ключами. Хозяин начал считать разбитые фужеры и порванные простыни, мы, чтобы не осложнять отношение с любителем «Сектора газа», скинулись ему ещё по штуке, и Миша развёз нас по домам. Настроение у всех моих коллег было отменное. Немного давил сушняк, а Олег жаловался на боль в паху: Тоня оказалась та ещё тигрица. Уже в машине я выяснил, что моими соседями через стенку как раз и были Олег с Тоней.

– Ну, что? Понравилась телуха? – Ваня отчески потрел Олега по шее, хотя сам был на таком мероприятии всего в третий раз.

– Да, хорошая женщина! – млея Олег от пережитого и содеянного. – Приглашала в гости в Зыковку. Она там с родителями живёт в частном доме, а рядом ещё двухкомнатная квартира в пятиэтажке!

– Да ты не жениться ли надумал?

– Ну, пока об этом речь не идёт... – мямлил Олег, улыбаясь улыбкой идиота.

У меня же настроение было неважное. Побаливала голова и низ живота: Настя всё-таки зацепила, видать, каблуком, хотя вчера я этого даже не заметил.

– Зато я там двоих поимел за день! – скорее чтобы поднять настроение самому себе, чем похвастать перед мужиками сказал я. – Правда, потом одной по морде дал.

Народ почему-то не стал мне рукоплескать, а Ваня, включив дурачка, выкрикнул как бы смеясь:

– Так надо уж было и второй дать!

Я криво улыбнулся, отвечать не стал, но на будущее заметку про Ваню себе сделал. Дерзит не по годам! Решил, что раз мы вместе вчера вино пили, то завтра он будет мне по плечу хлопать! При случае ткну его носом в лужу, щенка!

Миша высадил меня у подъезда, и я на прощание пожелал завтра всем быть в строю. Вспомнили про Вована и сошлись во мнении, что было весело и без него. Но сказано это было осторожно, с оговорками и не категорично. Так, упомянули – и всё.

Поднявшись на пятнадцатый этаж в огромном зеркальном изнутри лифте, я раскидал вещи по шкафам, вскипятил чайник, выпил крепкий кофе и пошёл мыться. В коттедже была душевая кабинка, но мыться в ней я побрезговал, да и было немного не до того. Намылился, провёл вехоткой по бедру и ойкнул от боли. Сильно, видать, каблуком попало! Ну, я в случае чего в долгу не остался. Представляю, с какой мордой эта припадочная сегодня проснулась! И ведь не водилось за ней такого! А тут – ни с того, ни с сего – пинаться! Закусывать надо было! Тварь! Нет, чтоб предложить втроём поразвлечься! Как немцы в тех фильмах с лихо закрученным сценарием, которые мы с ней частенько смотрели на моём огромном экране!

Я смыл пену и осмотрел больное место. Из сгиба на бедре, ровно в том месте, где у меня заканчивались плавки, на границе ноги и туловища, из кожи торчал клещ. Я никогда до этого в своей жизни не видел живого клеща, а только мельком по телевизору в каких-то новостях про то, как в марте эти твари начинают кусать народ на Дальнем Востоке и заканчивают в Подмоскowie в октябре. Вид этой твари был так омерзителен, что я выронил душ и замахал руками, пытаюсь сбить его с себя. Но тот словно прирос ко мне и продолжал торчать, пошевеливая в воздухе своими лапками. Я взвизгнул и выскочил из ванной. С меня лилась вода, падали клочки пены от дорогого шампуня – я ничего этого не видел. Я видел только, как в меня постепенно погружается какое-то чудовище! Это был такой шок, от которого хотелось орать или ущипнуть себя, чтобы убедиться: это сон! Со мной такого быть не может! За одну секунду вспомнился знакомый одного малознакомого знакомого, который умер после укуса такой твари. Я глянул на своё перекошенное отражение в зеркале. Восемь точечных лампочек вкруговую освещали белое как у мертвеца лицо. Мой взгляд остановился на маленьком маникюрном наборе, который лежал на тумбочке. Трясущимися руками я открыл футляр, достал пинцет, зажал им клеща как можно сильнее, с надрывным криком вырвал его из тела, бросил в ванну вместе с пинцетом и открыл кипяток.

– Сдохни! Вот тебе! Вот тебе! Гад! Падла! Сдохни!

Крохотная точка сделала два оборота вокруг чёрной дыры слива и исчезла, а я всё лил и лил кипяток вслед этому кошмару, плохо соображая, пока душевая лейка в моих руках не накалилась от кипятка. Я выключил воду, и тут до меня дошло: а если он был не один?

Я запрыгнул в ванну, смыл с себя остатки пены и начал осматривать себя с головы до пят. Принёс второе зеркало, внимательно осмотрел спину. Никого не найдя, налил полную ладонь французского одеколona и приложил к ранке. Защищало. Одеколон потёк по ноге, нагревая кожу, и мне на секунду показалось, что это из раны хлещет кровь. Я смотрел на ранку и думал – что же с ней ещё можно сделать? Достал из холодильника зелёнку и ватной палочкой замазал до черноты большой участок кожи с ранкой. Где же я его поймал? Не в коттедже ведь! Когда ночью ходил на гору с Юлей! Больше нигде! Грёбаная овца! Грёбанный коттедж! Я его хозяина засужу! А Юле тоже харю расшибу. Надо было сразу там и расшибить! Что за день-то такой! Так, спокойно! Спокойно!

Я открыл холодильник, налил себе стопку «Хеннесси», выпил, налил вторую и следом – третью. Закусил куском горького шоколада. Проблема с завтрашним запахом изо рта вдруг стала совершенно неактуальна. Голым сел на диван и постарался собраться с мыслями. Что же

теперь делать? Идти в больницу? Последний раз я посещал поликлинику классе в третьем, после того как переболел ветрянкой. В больнице вообще не лежал ни разу, и при одной мысли о ней мне делалось дурно: палата на десять человек, которые одеты в какую-то преисподнюю одежду, храпят, гадят под себя, стонут. Которые в конце концов умирают там! А ты лежи и смотри на всё это и жди своей очереди! Нет, без паники! Я ещё не умираю и даже не болею. У кого же из знакомых товарищ дубца врезал после укуса? У Максима! Он работал у нас механиком и с полгода как уволился. Интересно: сохранился у меня его телефон? Общались мы с ним временами не очень хорошо, так что даже не уверен – возьмёт ли он трубку.

Я достал свою красавицу «Икспирию» и начал листать адресную книгу. Люся, Настя, Катя массаж, Маша стоматолог, соска мебельный салон, Ира ветеринар... какой салон? Какая Ира? Зачем мне по жизни ветеринар?

Телефон мелко трясся в руке, и мне пришлось положить его на кухонный стол. Иван Николаевич, Таня очкастая, Вован работа, Олег, Амир джакузи, Арзо кафель, Алёна замужем, Макс подвеска. Ага, есть!

– Макс, привет! Это Сергей из ...ага, узнал? Слушай, тут такая тема: помнишь, ты рассказывал, как один твой знакомый после укуса клеща... ну... того?

Я старался говорить ровно, хотя самого бил озноб. Может я уже заболел? Это сон. Это просто плохой сон!

– Да, моей родной тётки муж года... года... да лет шесть уже как помер. Съездил за черемшой в мае и поймал эту залупу. А что?

– Да вот, ездили вчера в лес с друзьями. Меня там эта тварь тяпнула. Что делать в таких случаях – не подскажешь?

– Лучше всего – бери эту залупу и иди в травмпункт. На анализ его сдашь, и там определят – заразный он был или нет.

Дьявол! Я машинально посмотрел в сторону ванны и упавшим голосом проговорил:

– А я его смыл! Водой!

– Ну, тогда залупа! Да ты особо не переживай! Сейчас уже сентябрь, а они опасные только в мае и начале июня. Дядю Кешу в самом начале мая, помню, укусил, так того через три дня скрючило как залупу и ничего сделать не смогли. Полежал неделю в «Двадцатке» – и на Бадалык свезли. Диагноз запомнился: вихревой отёк мозга.

– Ясно. Спасибо! Ты меня обнадѣжил! – криво усмехнулся я и отключил телефон.

На всякий случай перелистал всю адресную книгу и нашёл ещё какую-то Вику, забытую в мой телефон как медичка. Я хоть режь – не мог вспомнить – что это за Вика такая и в какой области медицины подвизается. Если она с сайта знакомств, то мы с ней вживую могли и не встречаться! На всякий случай набрал номер. Там долго не брали трубку, потом тихий голос прошелестел откуда-то как с другой планеты:

– Алё!

– Это Вика? Это Сергей? Я хотел спросить...

На том конце положили трубку, в ухо застучали короткие гудки отбоя.

– Про залупу я хотел у тебя спросить, овца! – заорал я и через всю квартиру швырнул телефон в подушку, лежащую в изголовье дивана.

Я сидел голый за кухонным столом и чувствовал, как по телу расходится смертельная болезнь. Шея не хотела поворачиваться, и чтобы посмотреть на красивейший закат, мне пришлось развернуться всем телом к окну. Руки тряслись, ноги были как ватные. Я понял, что умираю и что спасти меня уже ничто не может. Я лёг на диван, залез под одеяло, свернулся там калачиком и заплакал. Потом встал, допил остатки коньяка, снова забрался под одеяло и даже не понял как уснул. Мне снились какие-то зелёные кони о шести ногах, которые неслись по снегу и волокли меня в холод и мрак.

* * *

Пятого сентября я проснулся в четыре утра. Мысли были настолько чёткими, воспоминания про укусы – настолько свежи, словно я и не проспал десять часов, а только про этого дурацкого клеща все эти часы и думал. Почему именно меня? Так глупо! На пустом месте! А виновата эта тварь! Потасила меня с голой жопой на гору клещей собирать! Хоть бы и ей воткнулись пятеро! И все заразные!

Я понял, что уснуть уже не смогу и залез в Интернет. Почитал там про болезни, которые вызывает клещ и пришёл в полный ужас. Кроме энцефалита эти насекомые, оказывается, являлись разносчиками ещё дюжины разных болячек одна другой смертельнее. Я посмотрел картинки клещей разных видов, дошёл до фото насосавшегося монстра с огромным белым телом и крохотной головкой – и мне стало дурно. Я прополоскал рот остатками вчерашнего кофе, рассосал таблетку валидола чтобы не злить начальство плохими запахами, вышел из дома в шесть утра, поймал такси и поехал в ближайший травмпункт.

Первой моей мыслью после того, как я перешагнул порог этого известного всему правобережью медицинского заведения была: «В городе произошёл теракт!» Стонущие, плачущие, кое-как и абы чем перебинтованные люди сидели вдоль узкого коридора на деревянных откидных стульях, стояли у подоконника, что-то объясняли медсёстрам про вывих лодыжки и сломанный палец. В воздухе стоял запах пота, крови, йода и боли.

– Третий час сию! Помереть уже проще! – простонала какая-то женщина средних лет с почерневшими губами, поддерживая правую руку левой.

– Помирают на улице! Все кто сюда дополз – останутся живы! Следующий! – раздалось из кабинета хирурга.

Я радикально выбивался из всей этой толпы с пробитыми головами, вывихнутыми ногами и колото-резаными ранами предплечий. На меня упало несколько недоумённых взглядов, но тут всем было ни до кого и ни до чего. Столько боли в одной куче я не видел никогда в жизни, и мне стало стыдно, что лезу сюда с каким-то клещом, который, может, и не заразный вовсе. Неужели тут всегда так?! Так должен выглядеть фронтальной госпиталь, а не городской пункт первой медицинской помощи!

Без особой надежды на ответ я спросил у высокого мужчины в белом халате, который вышел из кабинета с табличкой «Рентген» и проходил мимо меня по мрачному коридору, словно ангел среди страдающих грешников.

– Простите, а с клещом... Меня клещ укусил. Намедни! – вдруг вырвалось у меня странное слово.

Откуда оно взялось в моём лексиконе – я сам не понял. Наверно, это уже микробы так на мозг действуют!

Удивительно, но доктор остановился, нашёл меня взглядом среди несчастных и удивлённо спросил:

– Куда укусил, простите?

– В бедро. Вчера. Я его выкинул. Ну, клеща выкинул.

Слова путались, не хотели выстраиваться в правильные словосочетания и предложения и слетать с языка. У меня получалось собрать их только максимум по двое, и дальше логическая связь между звуками терялась в начинающихся воспаляться закоулках мозга. Вся эта обстановка кладбищенской прихожей действовала на меня ужасающе. Я никогда не задумывался, что миллионный Красноярск производит столько случайно пострадавших людей в каждую единицу времени! И ведь по их лицам сразу понятно: они не выживут! Все они обречены, но в последней надежде приползли сюда, чтобы сейчас, вот тут, у меня на глазах начать агонизировать и синеть! То ли дело на моей работе! Как хорошо, что я не медик! Или наоборот – плохо? Ходил бы тут сейчас как у себя дома...

– Страховка есть? По страховому полису мы можем поставить вам укол гамма-глобулина. Если полиса нет, то это стоит, кажется, что-то около девяти тысяч. Пройдите вон в тот кабинет, там вам точнее подскажут!

– Девять тысяч за укол!? – вырвалось у меня.

Я хотел рассказать доктору, что я только что купил машину и денег совсем не осталось. И девять тысяч за укол – это же грабёж! А если денег нет и остался только полтинник на аспирин? Что делать? Сдохнуть? Но врач уже шёл по коридору такой неторопливой походкой, словно пенсионер отправился в ларёк за газетой. И ему пофиг все эти люди! И я ему пофиг! Люди – ладно, но меня-то ещё можно спасти! Они обязаны меня спасти! Я молод и красив, у меня ещё вся жизнь впереди. И вдруг ласты слепить из-за какой-то ерунды! Да вы тут с ума что ли все походили?

Я робко постучал в указанный мне кабинет с табличкой «7». Потом, не дождавшись ответа, приоткрыл дверь. Прямо напротив двери сидела толстая тётка свирепого вида в очках и белом халате и писала какие-то бумаги. На меня она глянула мельком и продолжила заниматься своим делом. Перед ней на столе горела лампа, лежала гора каких-то бумаг, в темноте кабинета стояла кушетка, ширма и пара табуреток.

– Я про клеща... Укусил клещ...

– Страховка есть? – не отрываясь от рутинной писанины, хорошо поставленным голосом ротного запевалы спросила та.

– Нет. Как-то не думал...

– Прививка?

– Тоже... Нету...

– Когда произошло присасывание? Клеща принесли? – ручка размашисто скользила по бумаге, оставляя за собой какую-то волнообразную линию, не имеющую с буквами даже отдалённого сходства.

– Вчера. Нет.

– Ампула гамма-глобулина стоит отечественная пять семьсот, импортная – восемь восемьсот. В ампуле четыре дозы, но срок хранения – двенадцать часов. Укушенных сейчас почти нет. Или собирайтесь четвером или покупайте целую ампулу! Я вам куда его потом спишу? – в голосе прозвучала угроза, и я почувствовал, как у меня от ужаса подгибаются ноги.

Я глянул ей в глаза, но увидел только стёкла очков. Мне предлагали за деньги не автомобиль и не колбасу. Мне предлагали пожить!

– Спасибо, я подумаю! – сказал я, закрывая за собой дверь.

Вышел из больнички, вздохнул полной грудью, обошёл машину скорой помощи, из которой врач помогал выйти пацану в кожаной косухе и жутко избитым лицом, неторопясь дошёл до проспекта, сел в полупустой автобус и поехал на работу. По дороге рассосал ещё одну таблетку валидола. Не потому что боялся Ивана Николаевича, а потому что сердце как-то закололо. Пока ехал – мысль была одна: надо занять у кого-то пять тысяч и купить эту чёртову ампулу! Шанс выжить ещё есть. И дёрнул же меня бес потратить свои последние копейки на то, чтобы заработать такой гемор! Будь проклят весь Овинный, клещ, Юля, Настя и весь персонал травмпункта! Особенно в эту секунду я ненавидел врачей. Коновалы! Плати или подохни! И это – бесплатная медицина! Вместо того чтобы людей спасать – бабло поднимают, коммерсанты херовы!

Подойдя к офису, я остановился и начал вспоминать свои вчерашние мысли. Что-то я хотел сделать сразу как зайду в офис. Но что? Я уже взялся было за ручку двери, как вдруг опустил её и отошёл на пару шагов назад. Машина! Ведь я купил машину и только сейчас вспомнил, что хотел приехать на своей новенькой «Селике» на работу и посмотреть – как облазит Вован! Что со мной? Что с памятью? Что с речью? Неужели микробы уже расплодились внутри меня и теперь проникают в подкорку?

Я машинально сунул руку в карман и вытащил брелок с логотипом «Тоёты». Нажал на кнопочку с цифрой «2». Подождал сам не знаю чего, нажал на «1» и побрёл в офис.

Вован уже всю блестял перед шефом чешуёй, бил хвостом и метал икру. Ночью пришла фура с новыми машинами из Новосибира, и этот лысый полугандон суетился так, словно от того – как он разгрузит и подготовит к продаже эти тачки – зависит его жизнь. Впрочем, конечно зависит!

Вован мельком глянул на меня, вдруг остановился и равнодушно спросил:

– Ты хорошо себя чувствуешь? На планёрку так и явишься?

Я не успел сосредоточиться на смысле сказанного. Татьяна Даниловна вышла из кабинета шефа и привычно объявила:

– Мальчики и девочки! Заходим на планёрку!

Девочек на наших планёрочках не бывало отродясь не считая корреспонденток под новый год, но секретарша почему-то регулярно звала их в кабинет наравне с мальчиками. Мы прошли в кабинет и расселись по своим местам: справа от шефа – Вован, слева – я, дальше шли второстепенные персонажи рангом помельче. Шеф внимательно глянул на меня, потом окинул взглядом остальных, снова глянул на меня и вдруг сказал:

– С каких пор у тебя, Сергей, понедельник стал тяжёлым днём? Что за вид? Выглядишь как ебелдосам от замудонца!

Вован, сидевший напротив меня, хихикнул и покачал головой, глядя мне на шею, как бы соглашаясь с начальником и говоря мне: «А я этому козлу сразу сказал!» Остальные уткнулись носами в свои блокноты, боясь поднять головы. Я не очень понял претензии, но до подсознания уже доходило, что я стою на эшафоте. Я лихорадочно соображал – что же со мной не так, раз шеф заговорил на планёрке первым, не дожидаясь, когда Вован пропоёт свою арию о наших планах на сегодня, на предстоящую неделю, на миллион лет вперёд? То есть я-то знал – что, но как они-то догадались? Почему Даниловна, когда я проходил мимо неё, сделала такое лицо, словно мимо неё прошёл на планёрочку медведь?

– Я... – Я хотел что-то сказать, но увидел, как Вован поправляет галстук и понял: я же без галстука!

Мысль бросилась дальше: я же не побрился! Не расчесался утром после сна! Вообще в ванную не заходил!

– Я... я неважно себя чувствую, – наконец выдавил я и понял, что про клеща рассказать им не смогу, – голова с утра разболелась. Это не от вина. Честно!

Я глянул на Олега, Ваню и Мишу. Сидят себе спокойно. Трезвые. Довольные. Побритые и при галстуках. Клещи их не кусали. Коньяк они вчера не пили. У всех всё как всегда. Один я оказался вдруг чумным.

– Татьяна Даниловна, зайдите на минуточку! – проскрипел шеф в телефон, и как только та появилась на пороге – попросил: – Принесите пожалуйста Сергею аспирин и галстук! У вас, кажется, висели какие-то в шкафчике?

Даниловна закрыла за собой дверь ничего не ответив, а в кабинете воцарилось гробовой молчание. Я мучительно пытался сообразить – что же мне сейчас сказать такое, чтобы не выглядеть идиотом в глазах коллектива. Хотя – плевать мне на коллектив! Нравиться надо сексуальному партнёру и начальнику. Вчера я не понравился партнёру. Сегодня мной недоволен уже начальник! Что же дальше будет?

Через минуту секретарша принесла стакан воды с растворённым в ней аспирином и галстук. Я сначала затыкнул на шее удавку, а потом уже выпил стакан кислой шипучки.

– Спасибо! Через пять минут я буду в норме! – заверил я блокнот, лежащий передо мной на чёрном столе.

Вован пробубнил свою обычную мантру, мы записали в блокноты то, что должен был сделать каждый до пятницы и разошлись по рабочим местам. Перед окончанием планёрки, когда все уже задвигали за собой стулья, я повернулся к шефу и ломки голосом промямлил:

– Иван Николаевич! У меня вправду такое впервые в жизни! Голова прям огнём...

– На больничный иди раз заболел! Мне тут только инфекции не хватало! – сухо ответил шеф, взял трубку и забыл о моём существовании:

– Алёшеньки! А кто это? А-а, Василий Михайлович? Теперь узнал. Ну, рассказывай! Да спасибо, помаленьку!

Я вышел из кабинета и сразу увидел, как Вован собрал вокруг себя народ около туалета и что-то оживлённо объясняет. «Под меня подкоп ведёт, козья морда! Агитирует почище Ленина! Ишь, ручонками машет! Того гляди – взлетит!» – подумалось мне тоскливо. Хотел пройти мимо и сделать вид, что ко мне это сборище никакого отношения не имеет и я вообще выше всяческих интриг, но тут расслышал речь Вована, и у меня немного отлегло.

– Заказал новый кухонный гарнитур! Мне его поставили и сказали, что мойку надо ждать неделю, пока её отольют. Знаешь, как из гранита. И цена – сто двадцать косарей! В субботу привозят мойку, а я-то на работе. Дома попросил посидеть дочу. Той тринадцать лет, а верзила уже почти с папу ростом! Она им открыла дверь, а сама ушла в комнату. Потом рассказывает мне: слышу, говорит, на кухне что-то бац! Упало! И тишина. Проходит с час наверно. Она решила посмотреть – как там дела идут. Выхожу, говорит, на кухню – мойка лежит на полу разбитая пополам – и никого! Они её как грохнули, так удрали, пидарасы, и теперь я до этой бригады дозвониться не могу. Вчера весь день их набирал, сейчас звоню – абонент временно не на связи. Вечером поеду, буду концы искать. Я им сто двадцать косарей дарить не собираюсь! Вот где головняк-то ещё! И ведь русские что характерно работали!

Народ покивал головами, а я над каждой кивающей головой внезапно увидел бегущую строку: так тебе и надо! И сам подумал: и это ты называешь головняком? Головняк – это когда клещ укусил и теперь три недели ходи и думай: сдохнешь ты от этого или пронесёт? Кстати, мне же надо у кого-то денег перехватить! Стыдно, а что делать! Как же не вовремя я купил эту тачку!

– Ваня, тут такое дело... – завёл я разговор с Ваней, когда тот остался в коридоре один, – я тачку взял, и вдруг резко деньги понадобились. Не перехватишь мне пятёрку до зарплаты?

– Извини, всё потратил! Осталось две сотки и холодильник пустой! – сделал тот честные глаза.

«А если найду, тварь? Ты же сегодня только на обед три сотни в пиццерии спустишь!» – так и просилась из меня фраза, но я только молча покивал и пошёл ловить Олега.

– Олег, тут такое дело... Пятёрку не займёшь до зарплаты? Я тачку...

– Извини, Сергей, но ко мне завтра Тоня приезжает. Надо встретить человека, в театр хотим сходить, а денег – ну вообще в обрез!

«Какой театр для этой дуры колхозной? Борща ей свари со свиной лыткой, налей стакан, пошоркай и выгони к чертям! Сучёныш! Ещё в пятницу наверняка бы сразу метнулся к матери и занял бы для меня хоть полтинник! Мать у него через два дома живёт и директором универсама работает. А сегодня я для него словно уже и не начальник, а труп ходячий!» Но я снова ничего не сказал, посмотрел в сторону Миши, и по его хитрому взгляду понял, что тот уже в курсе и заготовил для меня какую-то железобетонную отмазку. «Можно не просить?» – подумал я в сторону Миши, и снова прочитал по его мысленной бегущей строке: «Хрена тебе лысого вместо денег!»

День прошёл как в плохом сне. Все чем-то были заняты, все куда-то звонили, ездили, смеялись, а я словно выпал из жизни. Делал вроде бы всё так как всегда, но смысл происходящих вокруг меня звуков и событий терялся на подступах к подкорке. Я постоянно зевал, чего со мной на работе не случилось прежде никогда. Мозг был занят совсем другими проблемами:

где взять пять тысяч и как узнать: болен я или нет? Едва дождавшись окончания работы, я сдал Даниловне казённый галстук и вышел на улицу. Лил настоящий осенний дождь, а я конечно же оказался без зонта и плаща. Ну что за невезуха! Мимо меня проехал Вован, на секунду притормозил и спросил – в какую мне сторону? Я ответил, что на правый берег.

– Не, я в Северо-Западный поехал. Эти пидарасы где-то там обитают. Найду – порву на тряпки! Сто двадцать косарей отдал за раковину! И ведь русские! Я в другой раз таджиков найму!

Мимо прошёл Олег. Конечно же в ветровке и под зонтом. Глянул на меня и мельком заметил:

– Вчера прогноз погоды слушал. На три дня, говорят, зарядил. Хорошо, что на выходных погода стояла классная! Денёк погожий ухватили! Отлично съездили! Поехал Тоню встречать!

Он словно и не заметил, что я стою под холодным дождём в костюме за пятнадцать штук без зонта и трясусь от холода! Ну что за люди у нас в фирме работают! Повыгонять всех к чёрту!

Приехав домой, я зашёл в прихожую, включил свет и посмотрелся в зеркало. На меня смотрел какой-то чужой человек в мокром пиджаке, со спутанными мокрыми волосами, в заляпаных грязью брюках и полуботинках, в которых чавкала вода. И главное – взгляд этого человека был абсолютно не похож на тот вызывающий, вечно бодрый и весёлый взгляд, к которому я привык. В комплект к такому взгляду обычно идут сутулая спина, мешки под глазами, седые виски и трость. Я взгляделся в отражение получше в поисках седины. Нет, пока вроде бы не просматривается. Просто мокрые русые волосы и капли воды, катящиеся по лицу. Жалкое зрелище!

Весь вечер я приводил в порядок костюм: застирывал, сушил, гладил. Потом нашёл галстук и, наконец, повесил готовый комплект в прихожей. Потом пытался звонить разным людям с целью подзанять денег. Никто не дал ни копейки, и после четвёртого звонка я прекратил это унижение. Все разговоры начинались и заканчивались одинаково: привет, как дела, давно не виделись, что нового, дай денег, нету денег, всем удачи. Перед сном я полазил по Интернету и выяснил, что есть дешёвый заменитель гамма-глобулина под названием йодантипирин. Правда, это был не совсем заменитель, а так, мёртвому горчичник, зато стоил всего три сотни. Я прикинул остатки денег и время до аванса. На десять дней четыре тысячи. Нет денег даже на бензин для своей новой тачки, будь она неладна. За аренду бабкиной хаты узбеки отдадут халавную десятку тоже только в районе пятнадцатого. Стоп! А не тряхнуть ли мне арендаторов, чтоб пораньше заплатили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.